
Спелось, перепуталось — кто разберёт,
Что это за таинство — русский народ?
Откуда берёт он вселенскую ширь?
Здесь русский — татарин, и русский — башкир.
А горец, жену оставляя и мать,
В бою будет русским себя называть.
И Родина вся у них — Вечная Русь,
И мать их напутствует: «Только не трусь!».
Напутствует воина старый отец:
«Нет в мире отважнее русских сердец!
Отважнее — нет, и доверчивей — нет,
И в этом секрет наших славных побед!».
...Где нынче хазары и те племена,
Что русскую землю терзали сполна?
Где половцы, где тот воинственный сброд,
Что вечно с мечами стоял у ворот?
Но, острым держа свой калёный булат,
Всегда был на битву готов Коловрат.
И, символом старых и новых побед,
Готов был схватиться с врагом Пересвет.
И пусть враждовали друг с другом порой
Князья... Брат на брата — вышаживал строй,
И русский же город порою горел
От русских шальных огнедышащих стрел.
И пусть кто-то верил, что здесь навсегда
Чужая орда, Золотая Орда...
Но вновь находился средь массы людской
То Дмитрий Пожарский, то Дмитрий Донской.
А всех лже-Димитриев выгнали прочь,

Анатолий АВРУТИН

И пушки палили в победную ночь.
И Стенька — разбит и коварно племён,
Не взял бы подмоги от вражьих племён.
Башку перед казною склонив на плечо,
Не взял бы подмоги у них Пугачёв.
На плаху взошёл, после всех неудач,
И русским мечом мрачный русский палач
Отсёк ему русскую эту башку —
Случалось такое на русском веку.
Осмыслив, что русских нельзя покорить,
Примчались французы, чтоб русским «служить»,
Потом, ухмыляясь, пришла немчура...
Для вида по-русски кричали: «Ура!»
И, наполучав православных имён,
Входили на русский заманчивый трон.
А дальше — известно... И брызгала вновь
За Русь непокорную русская кровь.
И колокол бил там, где, выстроясь в ряд,
Шли с русскими рядом башкир и бурят,
Вставали, обиды забыв поскорей,
Сапожник-еврей и художник-еврей.
Хоть вслед им грозили, срываясь на крик,
Кабатчик-еврей и еврей-ростовщик...
Ведь Родина общая — Вечная Русь.
И мать им велела: «Ты только не трусь!».
Напутствовал воина старый отец:
«Нет в мире отважнее русских сердец!».
И как не послушать героя-отца?
Вот так и живём... И вот так — без конца!

ГОЛОС КРОВИ

Ты этот век каким ни назови,
Не станет он иных веков суровой.
Он тоже весь исплещанный в крови
Настолько, что своей не чую крови.

Пусть говорят, что есть у крови зов,
Я кровью захлебнусь, не слыша зова.
И чувствую — моя живая кровь
Быть выше чьей-то крови не готова.

А потому печален мой удел —
Кровавая струя кровянит камни.
Ничьей чужой я крови не хотел,
Да и своя давно не дорога мне...

По-слу-шай-те!.. В багрянце всё кругом!
Но жадется иным кровавой славы.
Не сплунуть, не сплотнуть кровавый ком,
И мир вокруг — безумный мир кровавый!

И пусть твердят, что есть у крови цвет, —
Кто не согласен, те не обесцудьте! —
Я знаю — это ложь, у крови нет
Ни правоты, ни истины, ни сути!

Есть только право сильного — опять,
Чужую кровь в свои вливая вены,
Кровь восславлять... И вновь не замечать
В своей крови вселенской перемены.

Всё решено на небеси.
Столетия кратки, как мгновенья...

И вся история Руси —
Одно великое сраженье.

И пусть опять за веком век
Летит, всей сущности не зная,
Для поднебесья человек —
Всего лишь дырочка сквозная.

Подобна дырке от гвоздя,
Оставшейся в стене Вселенной,
Что не заметил, уходя,
Во тьме предшественник надменный.

Через неё сочится кровь —
Тысячелетьями сочится.
И в Древнем Риме воет вновь
Врага вскрывшая волчица.

Хоть Древний Рим давно не Рим,
И мы давно уже не скифы —
Под бравый возглас «Повторим!»
Нам сладко вслушиваться в мифы.

А сущность в чём — поди, спроси...
Живём, гадая — или-или?
Всё решено на небеси,
Мы лишь решенья не спросили...

И гнёт к земле липучий страх
В минуту горюкую иную —

Я просто выбегал за кипятком...

Что будет, копь на небесах
Замажут дырочку сквозную?

Я РУССКИЙ

Допоздна всё читаю под лампочкой тусклой,
Всё грущу от прочитанной галиматсии.
От «горжусь, что я русский»,
до «стыжусь, что я русский»
Только жирная лука рекламной статьи.

Что ж, родительской кровью
так просто гордиться —
Ни заслуги твоей, ни какой-то вины
В том, что выпало здесь тебе русским родиться,
А не в знойных просторах чужой стороны.

В том, что голубоглаз... И что любят девчата
Эту статью и шальные порывы твои.
Лишь Всевышний да тётка-судьба виноваты,
Что поют под окном твоим соловьи.

Что прищур твоих глаз озорной и не узкий,
И не тёмны ты кожей... И духом горяч.
Что язык твой родной — не малайский, а русский...
Лучше ты над Отчизной своею поплач.

Что предали её, а потом и продали,
И что всё началось не вчера, не сейчас...
Среди тех, кто накликал все эти печали,
Большинство — с той же русской упрямостью глаз.

А сегодня летят в тебя взгляды косые,
И навис над тобой мировой исполин...
Но когда у тебя за спиной Россия,
То ты — русский... А кровь оставляй для былин.

Кровь оставь для легенд и народных преданий,
Если в русскость порывы всех наций слиты.
Кто стыдится — не русский, будь он из Рязани,
Из Калуги, Воронежа или Воркуты.

БУРЛАКИ

Всё бурлаки идут бечевой...
Н.Некрасов

И фонарщиков нынче не стало,
И старёвщика ты не найдёшь...
И таксист, от поездок усталый,
На извозчика мало похож.

Но в толпе безразличных и всяких,
Пожелавших лишь славы и благ,
Всё идут бечевой бурлаки,
И на прочих не смотрят никак.

Всё идут себе... Тянут-потянут...
Полмновения переждут,
Чью-то матушку тихо помянут...
Не нужны ни охрана, ни кнут...

Добровольно... Сквозь мель, буераки,
Лишь душевным порывам верны,
Тянут каждое дело бурлаки,
Старых волжских бурлаков сыны.

Им страна отвечает усмешкой —
Мол, иные пошли времена.
А они только: «Взяли... Не мешкай...».
И плевать, что смеётся страна.

За Отчизну готовые к драке
От рожденья до смертных минут,
Всё идут бечевой бурлаки,
Всё Державу свою волокут...

Мы с Родиною ехали сначала
В одном составе... В горле горький ком.
Состав ушёл. С ним Родина умчала —
Я просто выбегал за кипятком.

Я вслед кричал, махал рукой составу,
Орал, что стрелку кто-то перевёл.
Локомотив вдали гудел картаво,
Вплетая в дым трёхцветный ореол.

Я знал, что рельсы в бок поедут скоро,
И что вагоны рухнут под откос,
И только фото braveго майора
Взметнётся выше вспыхнувших берёз.

Мы с ним в купе о многом говорили,
Он водку пил, а я холодный чай.
Он фото показал дочурки Лили,
И медсестру припомнил невзначай...

Попутчики, конечно, сожалели,
Что их сосед от поезда отстал.
Но мчал состав... Соседи пили, ели...
А я им вслед надрывисто орал.

Напрасный крик... Куда теперь — не знаю.
Трёхцветный дым за лесом изнемог.
Но я всё так же кружкою махаю,
На рельсы вылив ржавый кипяток.

Я сам себя караю слепотой,
И, сам себя караю, прозреваю...
И вижу город в дымке золотой,
Веранду, где завидно выпить чаю.

И выплывают женские черты
Из забвения, из юности далёкой.
И всё гадаю — ты или не ты,
Печаль строфе оставив пятистрокой.

Да, это ты, перчатку уронив,
Проходишь между столиков неспешно.
Твой робкий взор всё так же сиротлив,
А в глубине — всё тот же ад крошечный.

Сквозь толщу лет к тебе не подойти...
Но и вот так — сквозь даль,
без приближенья,
Я вижу все крошечные пути,
Где тень твоя оставит отраженья.

И знаю точно, что нас ждёт потом,
Когда ты вновь расосеешься в тумане.
И снова станет домом старый дом,
И всё пройдёт — а ты знал заранее.

Когда опять наступит слепота,
Когда уйду в себя, себя не зная,
Когда вокруг измученного рта
Вновь проползет морщинка золотая.

ТРОИЦА

Нельзя работать... Троица... А он
Все тархтит, не ведая печали.
— Егорыч, ты крещён иль не крещён?
— Крещён... Да вот косилку на день дали...

А он ведь прав, безгрешный человек,
Наивно согласившийся — греховен.
Пусть на дворе давно железный век,
Растёт сорняк... Скоси — и грех условен.

Сбегает пот на хмурое чело,
Насквозь промокла с дырочку рубаха...
Лишь отмахнётся: «Солнце напекло...
Дочь залапает... Шустрая деваха...».

Что тут сказать? Деревня — шесть калек,
Пяток старух, козлёнок желторотый,
Да этот вот безгрешный человек,
Что в Троицу опять грешит работой.

Рудин, Чацкий, Рахметов, Базаров —
Русской классики облик и глас...
Сколько было словесных пожаров,
Сколько диспутов было о вас!

Утопилась в грозу Катерина,
И Каренина шла к полотну...
Всё в минувшем давно, всё едино,
Всё смешалось в картинку одну.

У истории столько изломов,
Столько ужасов, столько пропаж!
Покатил в экипаже Обломов...
Как хоть выглядел тот экипаж?

Вновь Печорин одёрнул тужурку,
И Онегин бредёт среди молвы.
У Ростовых танцуют мазурку...
Позабыты мазурки, увьи...

Всё в минувшем давно, всё далёко,
Век железный отправил на слом
Даже чёрную музыку Блока,
Что курсистки вдыхали в альбом.

Не познавшие литературы,
Без души накуражившись всласть,
Дети века летят с верхотуры,
Не мечтая в романы попасть.

г.Минск

Только в Свет, а не в Покой...

ОСКОПКИ

Отлетало тепло уходящего в сумерки дня —
Словно чья-то душа, истончённая загнанным телом,
И свинцовая ночь грозной тучей накрыла меня,
Тут же капельки слёз из небесных глазниц полетели.
Я жалел грустный дождь,

и в просвет расступившихся туч,
За краяхой Луны побежал серебристой дорожкой,
На небесной меже ветер времени странно тягуч —
И ко мне в этот миг
дивный ангел пришёл на подмогу.
«Запиши этот сон, —
возгласил мой крылатый собрат, —
И запомни, как смог усмирить эти страшные тучи:
От дышащих злобы не сможет спасти автомат,
Но Надежду подарит

лишь Веры негаснущий лучик».
И меж капель узрел я осколки разбившихся ваз —
Устремлялись они в высоту к их родимым чертогам,
Чтобы там обрести свою цельность и суть в этот раз,
И с цветами Любви
прославлять их простившего Бога.

КУРСИВОМ

Здесь пока ещё красиво.
Так игра идёт. Пока...
Он писал тебя курсивом —
И тебя, и облака...
А других обычным шрифтом:
Им изыски ни к чему.
Наша цель тут — выйти к лифту,
Чтоб покинуть их тюрьму...
Сколько ключочек до верха?
Я уже и подзабыл.
Ты со мной? Мне не до смеха —
Нужно, чтоб хватило сил:
Я устал гонять по этим
Изувеченным мирам,
Где весь смысл порою в смерти —
Так жестока здесь игра.
Он писал тебя курсивом,
Ты совсем не из ребра,
Из ребра народ плаксивый —
Им командует игра.
Есть маршрут, держись крепче —
Вот тебе моя рука,
Выше ждётся aina вечность,
И, конечно, облака...

Я ВИДЕЛ ТЕБЯ

Я видел Тебя, но другими глазами,
В седой тишине ускользающих дней,
Моглился и ждал, и мне сверху сказали:
Пора, пробил час, ни о чём не жалея.
Поднялся, истратив последние силы,
В безвременье прошлое — попросту фильм,
И Ты произнёс: «от Меня это было —
Теперь создавай свою новую быть».
Твой взгляд был повсюду — из каждой песчинки:
Ужели так просто здесь видеть Тебя?
А там суета: дорогие поминки,
И снова начало того октября...
И садик, и школа, но всё чуть иначе —
Ведь фильм стало можно крутить и назад,
Исправив себя, если где напортачил,
Лишь помня про Твою удивительный взгляд.
Я видел Тебя, и молось: не забыть бы —
Лишь так можно в фильме чего-то менять...
О том и пишу над седеющей билью,
Вдыхая меж строчек Твою благодать!

Половина

День уплыл в золотой колеснице,
Обнажив половину Луны,
Спать пора, только что-то не спится:
Видно копятся вещие сны.
Половина горячего лета
Пронеслась раскалённым свинцом —
Убегала тревога момента:
Заружается сон, новый сон...
Грешных мыслей моих вереницы
Разбеглись среди полночной тиши,
Огоньки в «спальном» крае столицы
Мне морзянкой моргают: пиши!
Я пишу полусонным акыном
В ожидании нового дня:
Коли есть у всего половина,
То моя пусть дождётся меня.

НАШЕ СЛОВО

В мир наживы и злости,
Из закрытых окраин

Я пришёл званым гостем,
Но ты шепчешь: хозяин.

Здесь игра, персонажи,
А мы вновь одиноки:
Я скажу, и ты скажешь —
И, хоть мы не пророки,
Ангел мой светлоокый,
Наше слово разбудит
Тех, кто спали до срока,
Тех, кто всё ещё люди...

В чьих глазах
ещё светлых
Кинолентой скитальцев

Сергей АНТИПОВ

Только в Свет, а не в Покой...

Зашуршит неприметно
Мир на кончиках пальцев.

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Отдышалось вечернее небо
После шумного знойного дня,
И ласкает прохладная нега
Опалённого жизнью меня.
Сигарета и чашечка кофе —
Мой недолгий уютный покой,
Да на небе седеющий профиль —
Отражение юдоли земной.
Облака — словно шифр поднебесья,
Словно выдохли древних богов,
Посылают мне добрые вести:
Ты готов, ты готов, ты готов...
И поверив таинственным знакам,
За любимых молюсь в этот час,
И скрипит колесо зодиака,
Колёи добавляя для нас!

ДЕВЧУШКА-ЛЮБОВЬ

Её называли по Святцам,
Её называли Судьбой,
Огонь озорного румянца,
Взрывал безмятежный покой
Влюблённых в Неё безвозвратно
На склоне отмеренных дней:
Неспящие в свете закатном
Искали спасение в Ней,
Чтоб с новым витком киноленты
Забылись сомненья и страх,
И стало молитвой рассветной
Лишь имя Её на губах.
Её называли по Святцам
Простым, самым главным из Слов,
И Вечность предвечным скитальцам
Дарила Девчушка-Любовь!

ПЕРЕХОД

Я люблю, молюсь и плачу,
день вползает тихо в ночь,
всё мне видится иначе,
словно шоры сняли прочь.

Я держу на тонких пальцах
свой отмоленный мирок —
для таких же он скитальцев,
приграничный наш острог.

Стены книг — его ограда,
в вихре пламенных стихов
мы спасаемся от ада
и готовим переход,
что нас всех ждёт неизбежно,
но не всем его пройти:
я молюсь, и Кто-то нежно
открывает нам пути.

Время плавится меж строчек,
день итожится слезой,
буду снова плакать ночью
о любви своей земной:
чтобы каждый стук сердечный
не растаял за чертой,
чтобы дальше вместе в вечность —
только в Свет, а не в Покой.

Я люблю, молюсь и знаю:
мы осилим переход,
а за ним, моя родная,
новый день земного рая
и лазурный небосвод!

ПИШУ

Пишу, увь, теперь всё реже,
Как патефонная игла
Моё перо. Мотивы те же:
Скрипит винил седой надежды
Сквозь бесконечные дела...

Пишу не ради грешной славы,
Винил не в тренде — не формат.
Ищу свой смысл, тот, самый главный,
И Кто-то бережно и плавно
Питаёт скромный мой талант...

Пишу, всё чаще замолкая —
Молчанье громче тысяч слов,
И в миг прозренья жизнь земная
В тиши творит мой образ Рая:
Перо, бумагу и Любовь!

В обыденности видеть красоту
И удивляться совершенству мира,
И воскрещать забытую мечту
Умеешь ты, загадочная Лира.
Струится свет потоками сквозь нас,
Преображая лес, деревья, землю,
И пусть его пока не видит глаз,
Но сердце звуку трепетному внемлет.
Дрожит росинка в чашечке цветка,
В себя вбирая радость отовсюду,
Остановись, случайная рука,
Не разрушай божественное чудо.

Какое пламя в небесах,
Какое пламя!
И облака, как паруса,
Плывут над нами.
И гомон ласточек стоит
Неудержимый.
Над лугом бабочка скользит

Антонина СЫТНИКОВА

Все мимо, мимо.
Вонзают сосны в облака
Верхушки-стрелы,
Где небосвода край слегка
Подкрашен белым.
Шмель загудел и полетел
Своей дорогой.
Наверно, он сказать хотел:
«Ты нас не трогай».
У тучи космы разметал
Беспечный ветер.
Себя не зная, красота
Царит на свете!

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

На двор, где до этого буйствовал день,
Луч солнца, сверкая, струился по крыше,
Легла мрачно-лиловая тень —
И стало так грустно, как будто бы вышел
За дверь человек бесконечно родной.
Толкнулась тревога — а вдруг не вернется,
И в жизни, теперь совершенно иной,
Останется вечно затмение солнца.

КОЛОДЕЦ

Закоало эхо в колодце заброшенном,
Стремится к воде перекатами звук,
Вращаясь, как ворот,
который из прошлого
Хранит теплоту человеческих рук.
Смотрюсь в глубину.
В древесине ободранной
Неведомым образом вырос цветок,
А глубже, давно
не тревоженный вёдрами,
В тени затерялся зелёный чертог.

В тени затерялся зеленый чертог

И небо в конце.
С наступлением сумерек
Там в бисере звёзд загорелась луна,
И сразу теряется благоразумие,
И тянет к себе, как магнит, глубина...

Как стали мне сейчас близки
Глубокой осени приметы —
Дожди безжалостно-хлестки,
А дни хранят всё меньше света.

Всё ниже гнутся под дождём
Полунагих деревьев ветки,
И ветер яростно крадёт
Остаток малый листьев редких.

Не так ли наша жизнь течёт:
Чем глубже осень, тем быстрее
Считает дни наперечёт.
И каждый день прозлит потерей.

Уходят близкие от нас
В небытие всё чаще, чаще...
И тает радости запас
В сосудах душ слезоточащих.

Остаток прошлого тепла
День ото дня в природе меньше,
Но согревают два крыла
В реальности похолодевшей.

И милосердие Его
Даёт надежду на спасенье.
Грядущей жизни торжество
Таится в стылости осенней.

Вновь солнце ласкает косыми лучами
Февральский безоблачный день,
И светом с небес прогоняет печали
Нависшую мрачную тень.

Печали моей о судьбе Украины,
Стоящей на стыке дорог,
Опутанной сетью густой паутины,
Чьё имя — коварство, враньё и подлог.

Горючей печали о русской судьбине,
Суровой издревле. И вновь
Скоплением ягод на горькой рябине
Алеет славянская кровь.

И падают капли на русскую землю,
Как было не раз и не два.
Тому, что случилось, с тревогою внемлю,
Теряя от боли слова.

И в полном молчании к небу взываю,
И милости Божьей прошу.
На страже вся память моя родовая,
Которую в сердце ношу.

Дворянского гнезда тенистые аллеи
Живут всегда во времени своём.
А вдалеке закят неистово алеет.
Там слово кровью залит окоём.

Здесь тишина, не слышен вой снарядов,
Лишь соловьи сливаются в дуэт.
Кусты пузыреплодника, и рядом
Ротонды белой стройный силуэт.

И белый цвет блаженного покоя
Переполняет, кажется, весь мир.
И аромат цветущего левкоя
Невольным счастьем сладостно томит.

Но вдруг навстречу
парень в камуфляже,
Пустой рукав запровлен за ремень.
И в этот миг становится неважен
Счастливый день прошедший...

А взамен —
Растерянность, смятение, тревога
Взлетают стаей чёрных воронят.
И я беззвучно умоляю Бога
Родных и близких всюду охранять.

Над Храмом Матроны Московской
Струится немеркнущий свет,
Встречает любовью отцовской —
Всяк юю невольно согрет.

И полнится радостью сердце,
И тут же — слеза горяча,
Когда голоса сладкопевцев
Под сводами Храма звучат.

Звучит и смыкается вечность
В преддверии Царственных врат.
Эпохи подмен скоротечность
Здесь видится лучше стократ.

И видится — новую силу,
В величии славного права,
Опять обретает Россия.
И правду находит слова.

И злобной войне русофобской
Даётся достойный отвёт.

Над Храмом Матроны Московской
Струится немеркнущий свет.

Вечер сизым голубем
Снег клюёт за окнами,
И суробы горбятся
Валунами плотными.
Путники случайные
По домам торопятся.
Гостя жду. И чайные
Чашки наособицу
В блодачки поставлены.
Пустотой терзаются.
Мглой вечерней сплавлено
Время осозаемо.
Прошрое, грядущее
Различить не в силах я.
Скорби вездесущие...
Где же ты вселилие
Счастья бесконечного
И любви безудержной?
Ощущения вечности
Бытия-жемчужины
Драгоценной, радужной,
Нежности обилия,
Без причины радости...
Где же ты вселилие?

Заползают в душу мне
Сумерки вечерние.
Прячется радущие
Мягкого свечения
То ли дня ушедшего,
То ли жизни прожитой.
Сумерек нашествие
Неуклонно множится.
Свет включу я в комнате —
Полумрак рассеется.
Лучшее — запомнится.
Худшее — развеется.